„ДОСУГЪ РУССКАГО ВОИНА"

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ
Л. М. САВЁЛОВА и И. Н. БОРОЗДИНА.

№№ 1—2.

В. В. АРАНДАРЕНКО.

ГОСУДАРИ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ НА ПОЛѢ БРАНИ.

СЪ 6-Ю ПОРТРЕТАМИ.

Цѣна 30 коп.

Весь доходъ — въ пользу Россійскаго Общества Краснаго Креста.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ въ Комиссіи по сбору пожертвованій при Московскомъ Мѣстномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста. Москва, Бол. Чернышевскій пер., Канцелярія Московскаго Генералъ-Губернатора. Тел. 3-74-27.

Издано на средства члена Комиссіи Я. Д. Маковскаго.

МОСКВА
1916.



Верховный Главнокомандующій Русской Арміей
Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

„ДОСУГЪ РУССКАГО ВОИНА"

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ
Л. М. САВЁЛОВА и И. Н. БОРОЗДИНА.

№№ 1—2.

В. В. АРАНДАРЕНКО.

ГОСУДАРИ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ НА ПОЛѢ БРАНИ.

СЪ 6-Ю ПОРТРЕТАМИ.

Цѣна 30 коп.

Весь доходъ — въ пользу Россійскаго Общества Краснаго Креста.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
АРБАТСКАЯ ПЛОЩ., ФИЛИППОВСКІЙ ПЕР., № 11.
1916.


Гос. Историч. Научн. б-ка
НКП
Инвент. № 468620
193 г.

Въ дни тяжелыхъ испытаній, когда Россіи приходилось посылать своихъ сыновъ на защиту не только своихъ границъ, но и святынь, безжалостно попиравшихся врагами, когда Россія проливала свою кровь за освобожденіе своихъ славянскихъ братій, когда, наконецъ, она искала выходовъ къ морю, стремясь занять положеніе великой державы, — во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ нашихъ государей среди нашего воинства, на поляхъ брани. Когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ между Россіей и Польшей возгорѣлся вѣковѣчный споръ о Смоленскѣ, царь самъ сталъ во главѣ своего войска и въ 1654 году Смоленскъ сдался русскому государю и съ тѣхъ поръ принадлежитъ уже Россіи. Кому неизвѣстны ратные подвиги державнаго сына царя Алексѣя Михайловича—великаго преобразователя Россіи Петра, создавшаго регулярную армію, создавшаго флотъ, создавшаго Великую Россію. Все царствованіе Петра прошло въ непрерывной борьбѣ съ сосѣдями въ поискахъ выхода на свѣтъ Божій. Московское государство точно въ тискахъ изнывало, не имѣя выхода въ море, не имѣя возможности развивать свою торговлю. Это давно сознавали русскіе государи, еще царь Іоаннъ Грозный стремился захватить побережье Балтійскаго моря, но всѣ попытки этого рода не приводили ни къ чему и только Петру удалось осуществить эту давнишнюю мечту русскаго народа.

Начался цѣлый рядъ войнъ, въ которыхъ Петръ принялъ непосредственное участіе. Мы видимъ его въ Азовскихъ походахъ и при взятіи Азова, онъ

участвуетъ въ неудачномъ бою со шведами подъ Нарвой въ 1700 году, послѣ чего съ лихорадочной поспѣшностью создаетъ новое сухопутное войско и артиллерію и въ 1709 г. участвуетъ въ разгромѣ шведовъ подъ Полтавой. И всюду, гдѣ бы царь ни былъ, онъ раздѣляетъ всѣ трудности походной, боевой жизни своихъ воиновъ, показывая всѣмъ примѣръ и ободряя и воодушевляя своихъ соратниковъ.

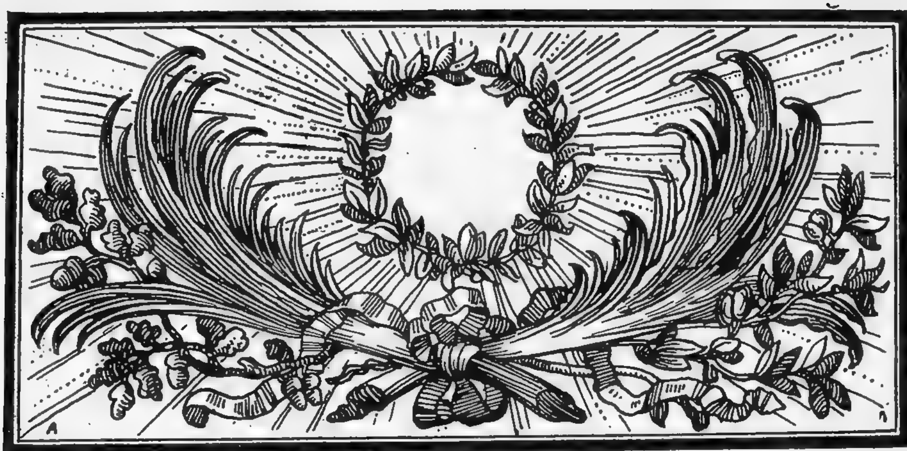
Наконецъ, кто не знаетъ трудовъ, понесенныхъ императоромъ Александромъ I Благословеннымъ во время Отечественной войны 1812—1814 годовъ, когда императоръ совершилъ со своими побѣдоносными войсками походъ черезъ всю Европу и во главѣ союзныхъ войскъ вступилъ въ Парижъ.

Когда возгорѣлась война на Балканахъ для освобожденія нашихъ славянскихъ братій, стонавшихъ подъ турецкимъ игомъ, Царь-Освободитель Александръ II не замедлилъ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы раздѣлить со своей арміей всѣ тяготы походной жизни.

Проходитъ сто лѣтъ послѣ войны, которую современники, а вслѣдъ за ними и ихъ потомки, назвали Отечественной, когда огромная часть Россіи была занята непріятелями, когда святыни Москвы были оскверняемы нашими врагами, и мы присутствуемъ при величайшей борьбѣ народовъ, подобной которой не зналъ еще міръ. Мы или они. Кто-нибудь долженъ исчезнуть изъ списка великихъ державъ, и нѣтъ такой жертвы, которой бы не долженъ былъ принести русскій народъ для защиты своей политической и экономической свободы. И въ эту тяжелую минуту народнаго испытанія естественно всѣ взоры обращаются къ Тому, кто держитъ въ Своихъ рукахъ счастіе и величіе Россіи, и что же мы видимъ? Государь въ сознаніи своего великаго служенія Россіи беретъ, по примѣру предковъ, въ свои руки мечъ и становится во главѣ русскаго воинства, чтобы лично противостоять замысламъ сильнаго и подготовленнаго врага и раздѣлить великій подвигъ, принятый на себя Его народомъ. 23 августа

1915 года былъ изданъ по арміи и флоту слѣдующій краткій, но говорящій много русскому войску, приказъ: „Сего числа Я принялъ на себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій. Съ твердой вѣрой въ милость Божію и съ непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты родины до конца и не посрамимъ земли Русской“. Будемъ же надѣяться, что высокій примѣръ служенія родинѣ нашего Вѣнценосца еще болѣе воодушевитъ наши доблестныя войска, непомѣрными трудами которыхъ еще болѣе возвеличится Россія и освободятся наши зарубежные подъяремные братья.

Л. Савёловъ.



Царь Алексѣй Михайловичъ.

„Болѣе сея любви нѣсть да кто
душу свою положитъ за други своя".

Съ такими словами обратился царь Алексѣй Михайловичъ къ своему войску на Дѣвичьемъ Полѣ, объявляя ему о предстоящей войнѣ съ поляками и призывая свое воинство стоять за Святую, Соборную и Апостольскую церковь и православную вѣру. И длинною лентой растянувшееся на обширномъ полѣ русское воинство, сверкая золочеными пищалями, украшенными перламутровыми раковинами, золочеными копьями, протазанами и алебардами съ низко свѣшивающимися шелковыми кистями, горяча коней и красуясь цвѣтнымъ платьемъ — радуясь яркому солнцу, вызывающему красоту вооруженія—ликовало на встрѣчу государю, рѣшившему взять на себя командованіе своими войсками въ предстоящей войнѣ. А онъ, въ большомъ царскомъ нарядѣ, сверкая драгоцѣнными каменьями, усыпавшими порфиру и бармы, весело глядѣлъ на эту живую силу государства, щурясь изъ-подъ собольей шапки своими ясными и привѣтливыми глазами.

Въ Кремлѣ торжественно справлялся отпускъ войска. 23 апрѣля, въ воскресенье, въ Успенскомъ

соборѣ служилъ святѣйшій патріархъ; на службѣ присутствовалъ великій государь царь со всѣмъ синклитомъ; за запоною стояла царица съ боярскими женами и прочими женшинами; соборъ наполняли стольники, стряпчіе, дворяне, московскіе жильцы, полковники, стрѣлецкіе головы, сотники и подъячіе, которые должны были идти въ походъ съ воеводами. Послѣ обѣдни служили молебенъ. Послѣ чтенія



Царь Алексѣй Михайловичъ.

Евангелія патріархъ благословилъ бояръ и воеводъ и велѣлъ идти прикладываться къ мощамъ, а затѣмъ, получивъ отъ государя воеводскій наказъ, положилъ его въ кіотъ Владимірской иконы Божіей Матери на пелену и, передавая затѣмъ воеводамъ, сказалъ: — „Идите радостно и дерзостно за Святыя Божья церкви, за благочестиваго государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ, и исполняйте государево повелѣніе безъ всякаго преткновенія“.

По окончаніи молебна царь позвалъ бояръ и воеводъ къ себѣ „ѣсть хлѣба". Когда сѣли за столъ и принесли списки всѣхъ ратныхъ людей, отправляющихся въ походъ, и положили передъ государемъ, тогда государь, передавая ихъ въ руки князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, обратился съ слѣдующими незабвенными словами:—„Княже Алексѣй съ товарищи! заповѣдую вамъ: заповѣди Божія соблюдайте, творите судъ въ правду, будьте милостивы, страннопріимцы, больныхъ питатели! Передаю вамъ списки вашихъ полчанъ, храните ихъ, какъ зѣницу ока, любите, берегите ихъ; къ солдатамъ, стрѣльцамъ и прочему мелкому чину будьте милостивы къ добрымъ, а злыхъ не щадите, да не будутъ ихъ ради правые опорочены. Еще же заповѣдую вамъ прибывать во всякой чистотѣ и цѣломудріи, потому, что не знаете въ какой часъ умрете." Затѣмъ царь жаловалъ бояръ, воеводъ и полчанъ водкою и медами, еще разъ наказывая имъ соблюдать Христовы заповѣди. Отпустивъ начальныхъ людей, царь пошелъ въ сѣни Грановитой палаты, гдѣ жаловалъ изъ своихъ рукъ бѣлымъ медомъ послѣднихъ полчанъ, обѣдавшихъ въ столовой. „Въ прошломъ году", говорилъ онъ имъ, „были соборы, на которыхъ были и отъ васъ выборные; на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ польскихъ королей—вы слышали это отъ своихъ выборныхъ; такъ вамъ бы за злое гоненіе на православную вѣру и за всякую обиду къ Московскому государству стоять; и мы идемъ сами вскорѣ и за всѣхъ православныхъ христіанъ начнемъ стоять, и если Творецъ изволитъ и кровію намъ обагриться, то мы съ радостію готовы всякія раны принимать васъ ради православныхъ христіанъ, и радость, и нужду всякую будемъ принимать вмѣстѣ съ вами".

Эти искреннія слова государя были покрыты патріотическими возгласами полчанъ. „Что мы видимъ и слышимъ отъ тебя, государь? За православныхъ христіанъ хочешь кровію обагриться! Нечего уже намъ послѣ того говорить: готовы за вѣру пра-

вославную, за васъ, государей нашихъ, и за всѣхъ православныхъ христіанъ безъ всякой пощады головы свои положить“.

Растроганный государь заплакалъ и обѣщалъ жаловать своихъ воиновъ всякою милостію.

И ободренное войско стройными рядами проходило подъ дворцовыми кремлевскими переходами, стараясь каждымъ движеніемъ своимъ выразить безграничную преданность доброму государю, сидѣвшему съ патріархомъ на переходахъ и благословлявшему свое христолюбивое воинство.

А самъ государь, проводивъ часть войскъ, оставшееся до выступленія время посвятилъ подвигамъ благочестія, готовясь стать во главѣ русской арміи. Съѣздивши къ Троицѣ и въ Саввинъ монастырь, царь (18 мая 1654 года) присоединился къ войску, увѣренный въ необходимости предпріятія, въ правоту своего дѣла, одушевленный религіознымъ чувствомъ и смѣло глядя въ будущее.

Великая идея осѣнила главу царя, двинувшагося на ратный подвигъ. Имъ ясно чувствовалось историческое призваніе Россіи объединить всѣ славянскія народы одного вѣрою, единою государственностью. И въ войнѣ съ Польшею царь видѣлъ начало этого великаго призванія.

Принявъ въ подданство Украйну, „Тишайшій Царь“, образецъ набожности и истиннаго благочестія, не задумался обнажить мечъ на защиту ея отъ угнетенія Польшей.

И Богъ благословилъ ратный подвигъ державнаго вождя. Масса мелкихъ интригъ путалась вокругъ верховной ставки, какъ бы желая затруднить царское предначертаніе, но вѣра въ дѣло и преданность войска привели Россію къ побѣдамъ. Въ Москву прибывали одно за другимъ радостныя извѣстія: безъ боя палъ Дорогобужъ, сдалась Бѣлая; не выдержалъ осады Полоцкъ; пали Рославль, Дисна, Друя—взяты Орша, Озерище, Могилевъ, Чечерскъ, Пропойскъ; царскія войска, съ самимъ государемъ,

съ 28 іюня съ „зельною храбростью,“ громили стѣны Смоленска. Плохо приходилось полякамъ.

Воодушевленныя царскимъ присутствіемъ войска съ беззавѣтнымъ мужествомъ лѣзли на стѣны и башни, не обращая вниманія на подкопы, взрываемые непріятелемъ. Поляки, отчаявшись отбиться, отказывались повиноваться; мало кто шелъ на стѣны; никто не хотѣлъ работать надъ возстановленіемъ укрѣпленій. Толпами стали перебѣгать поляки къ русскимъ, и 23 сентября подъ стѣнами Смоленска происходила знаменательная картина...

Жители Смоленска, предводимые паномъ Голимонтомъ и двумя Соколинскими, сорвали польскую хоругвь съ воеводскаго дома, отворили ворота и пошли къ царю. За ними двинулось оставшееся войско.

Литовскіе воеводы били челомъ и клали знамена передъ государемъ московскимъ. А на другой день бояре, стольники, стряпчіе и дворяне подносили въ царской палаткѣ державному вождю хлѣбъ и соболи, поздравляя съ большою побѣдой. Въ столовомъ шатрѣ государь потчивалъ войсковую старшину, и тутъ царское сердце было порадовано новыми вѣстями о взятіи Усвята, Шолова и Горъ. 5 октября государь выступилъ въ Вязьму.

Такимъ образомъ, вѣра царя и мужество вознаградились успѣхомъ,—войско подъ личнымъ начальствованіемъ Алексѣя Михайловича захватило всю Бѣлоруссію и значительную часть Литвы, съ городами Вильно, Ковно и Гродно.

Петръ Великій.

„О Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога. Жила бы только Россія". (Изъ приказа Петра Великаго наканунѣ Полтавской битвы).

Со вступленіемъ Петра Алексѣевича на Россійскій престолъ — наша родина должна была пройти трудный путь преобразованій, чтобы занять почетное мѣсто въ ряду западно-европейскихъ державъ. Все приходитъ въ движеніе какъ-то сразу, но въ общемъ, кажущемся на первый взглядъ безпорядочнымъ, движеніи сразу же чувствуется главная цѣль всѣхъ царскихъ мѣропріятій: увеличеніе просвѣщенія и богатства страны. И на ряду съ внутренними гражданскими преобразованіями, подъ твердою рукою державнаго вождя, происходитъ великое по своимъ послѣдствіямъ преобразованіе русской арміи и основаніе русскаго флота. Царскіе потѣшные выростаютъ въ стройные, по иностранному обученные полки, снабженные артиллеріей. Царскій ботикъ — становится дѣдушкой русскаго флота, — первое потомство котораго возводится на Воронежскихъ верфяхъ и знаменуетъ себя покореніемъ Азова.

„Мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой", писалъ молодой царь боярину Стрѣшневу. И дѣйствительно, неутомимый работникъ, Петръ не зналъ ни минуты покоя. Только-что подавивъ стрѣлецкій заговоръ, государь ѣдетъ за границу — укрѣпить дружбу съ западными государствами и согласовать общія христіанскія дѣла для наиболѣе успѣшной борьбы съ турецкимъ султаномъ. Но и тутъ среди дипломатическихъ дѣлъ государь не забываетъ главнаго сво-

его правила: „прежде чѣмъ учить другихъ — надо самому научиться,“ и простымъ чернорабочимъ становится на верфи Саардама и Демптфорда, а въ Кенигсбергѣ получаетъ серьезное артиллерійское образованіе. И спеціальное образованіе государя не пропадаетъ даромъ.

По возвращеніи его изъ путешествія, въ Москвѣ открываются медицинская и „навигатская“ школы, „морская академія“, инженерное училище.

Но вотъ приближается тотъ знаменательный моментъ, когда подъ неимовѣрнымъ усиліемъ державнаго вождя и его народа должна была пасть стѣна, отдѣлявшая Россію отъ остального міра.

Начиналась Великая Сѣверная война за побережье Балтійскаго моря. Глубокая проницательность геніальнаго полководца подсказывала Петру всю опасность задуманной борьбы съ лучшей арміей того времени, какой была армія шведовъ. Но Россіи Балтійское повережье было необходимо—и война была рѣшена. Петръ, вступивъ въ союзъ съ польскимъ королемъ Августомъ II и датскимъ королемъ Христіаномъ, двигаетъ свои войска подъ Нарву. Здѣсь русское войско, находившееся подъ начальствомъ нѣмецкихъ генераловъ и офицеровъ, терпитъ пораженіе (1700 г.). Но эта неудача не приводитъ державнаго вождя въ отчаяніе, крѣпче сдвигаются брови на челѣ его, еще выше закидывается голова, и все, что только было возможно привлечь къ работамъ, было поднято на ноги.

Мужчины, женщины, монахи, священники, по приказанію царя, трудятся надъ обмундированіемъ солдатъ.

Вновь оборудованные литейные заводы работаютъ день и ночь; церковные колокола переливаются въ орудія, и надъ всѣми этими подготовленіями возвышается могучая фигура Преобразователя, говорящаго: „Я знаю, шведы могутъ еще разъ, другой побѣдить насъ, но у нихъ же мы научимся побѣждать“.

И уже черезъ годъ бодрые русскіе полки, въ новой по западно-европейскому образцу обмундировкѣ идутъ отъ побѣды къ побѣдѣ и въ 1703 году

въ рукахъ шведовъ изъ всего Балтійскаго края остаются только Perновъ, Рига и Ревель, а съ 6-го по 7-ое мая Петръ неожиданно, въ устьяхъ рѣки Невы, одерживаетъ побѣду въ первомъ морскомъ сраженіи со шведскими кораблями. Примѣръ Петра показалъ Россіи, что при упорной работѣ и „небываемое бываетъ". На берегахъ Невы вырастаетъ новая русская столица, а на островѣ Котлинѣ закладывается могущественная крѣпость Кроншлотъ—предшественница настоящаго Кронштадта.



Петръ Великій

Но главное столкновеніе еще впереди.

Шведскій король, Карлъ XII, наконецъ изгналъ польскаго короля Августа изъ Польши и принудилъ его отказаться отъ союза съ Россіей и теперь двинулся снова въ Московское государство, чтобы въ рѣшительномъ сраженіи потребовать отъ русскаго государя расплату за всѣ успѣхи послѣдняго времени.

Наступаетъ знаменитая Полтавская битва, занес-

шая имя державнаго вождя въ списки міровыхъ военныхъ геніевъ.

25-го іюня 1709 года русскія войска заняли сильно укрѣпленный лагерь вблизи Полтавы, упиравшійся лѣвымъ флангомъ въ изрѣзанный оврагами Яковецкій лѣсъ, а съ тыла замыкавшійся обрывистымъ спускомъ къ рѣкѣ Ворсклѣ. Передъ фронтомъ лагеря версты на двѣ простиралась открытая равнина, окаймленная съ западной стороны лѣсомъ и заканчивавшаяся небольшой просѣкой, служащей единственнымъ удобнымъ сообщеніемъ съ мѣстоположеніемъ шведской арміи.

Получивъ отъ перебѣжчика свѣдѣнія о готовившемся наступательномъ движеніи шведовъ, Петръ приказалъ построить въ этомъ промежуткѣ шесть отдѣльныхъ редутовъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла одинъ отъ другого, и перпендикулярно къ нимъ еще четыре редута, обращенные наружу. Эти мѣры давали русскимъ великолѣпную оборонительную позицію, до крайности затруднявшую наступленіе непріятеля и обезпечивавшую, въ случаѣ неудачнаго исхода битвы, спокойное отступленіе черезъ Ворсклу. Сознавая, какую еще грозную силу представляла собою шведская армія, Петръ въ страшномъ напряженіи старался не упустить ничего изъ виду, все осмотрѣть, дать каждому инструкцію, каждому растолковать о чрезвычайной важности предстоящаго сраженія.

На крупномъ породистомъ скакунѣ онъ объѣзжалъ войска, ободряя офицеровъ и воодушевляя солдатъ... Вонъ онъ остановился противъ конницы Ренне и, подозвавъ къ себѣ офицеровъ, говоритъ имъ:—

„Король шведскій и самозванецъ Лещинскій привлекъ своей волѣ измѣнника Мазепу и клятвенно утвердились отторгнуть Малую Россію, учинить изъ оныя независимое княжество подъ властью того измѣнника, присоединивъ къ оному Волынь и подчинивъ ему же, Мазепѣ, казаковъ запорожскихъ и донскихъ. Но помощью Божьею казацкіе и малороссійскіе народы

остались намъ вѣрными, шведскаго войска истребилось до половины, войска Лещинскаго побиты и разогнаны, султанъ миръ съ нами подтвердилъ и отъ помощныхъ войскъ имъ отказалъ, и нынѣ непріятельскаго войска противъ насъ осталось только 34 полка и тѣ не полные, изнуренные, оробѣвшіе. Остается надъ сими оставшимися довершить вамъ побѣду.

Порадѣйте же, товарищи, Вѣра, Церковь и Отечество сего отъ васъ требуютъ!“.

Дружное „рады стараться“ пронеслось по коннымъ полкамъ, и многіе, кто и не слышалъ государя, съ безграничной любовью смотрѣли ему вслѣдъ. А Петръ уже носился передъ рядами пѣхоты... Остановившись передъ гвардейскими полками, Петръ обратился къ офицерамъ: „Вы были самовидцы, колико дерзкіе непріятели храмы Божіи, православнаго нашего закона оскверняли, попирая ногами святыню. Вамъ извѣстно, что кичливый и прозорливый ихъ король войску своему росписалъ уже въ Москвѣ квартиры; любезное отечество наше опредѣлилъ раздѣлить на малыя княжества и, введя въ оное еретическую вѣру, совсѣмъ истребить. Оставимъ ли такія ругательства и презрѣніе безъ отмщенія? Да не будетъ!“

На эту рѣчь отвѣчалъ отъ имени офицеровъ и солдатъ герой Нотебурга и Лѣсной—князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ:

„Великодержавный Царь-Государь! Ты видѣлъ трудъ и вѣрность нашу, видѣлъ храбрость добрыхъ солдатъ твоихъ въ Левенгауптской баталіи, когда черезъ цѣлый день въ огнѣ стояли, шеренгъ не помѣщали и пядени мѣста не уступили; четыре раза отъ стрѣльбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли, нынѣ же войско то же и мы рабы твои тѣ же. Уповаемъ на Бога и такой же имѣть подвигъ и нынѣ, какой и тогда!“

Петръ съ восторгомъ предчувствія побѣды, уклоняя шпагу, воскликнулъ: „Уповаю!“—и поскакалъ дальше къ дивизіи Алларта.

И тамъ конецъ его рѣчи: „Порадѣйте же, това-

рищи! Вѣра, Церковь и Отечество сего отъ васъ требуютъ", былъ заглушенъ кликами солдатъ, старавшихся передать въ этомъ отвѣтномъ возгласѣ всю свою готовность положить жизнь за любимаго державнаго вождя.

И долго надъ рядами русскихъ войскъ стояли крики: „Да погибнетъ непріятель!"

Еще только начинало свѣтать, какъ шведы густыми массами подошли къ первымъ редутамъ. Правая колонна подъ начальствомъ Розена овладѣла штыковымъ боемъ двумя первыми, еще не законченными, редутами. Но тутъ они встрѣтили упорное сопротивленіе. Желая избѣжать огня сзади стоящаго редута и полагая зайти съ тыла, Розенъ двинулъ свою колонну вправо и тѣмъ оторвалъ ее отъ остальной пѣхоты. Въ это время шведская кавалерія грознымъ аллюромъ, содрогая землю, пронеслась къ правофланговой колоннѣ генерала Поссе и сквозь линіи редутовъ бросилась въ атаку на русскую конницу князя Меньшикова. Имъ навстрѣчу повели свои полки русскіе полководцы Ренне и Бауеръ и, успѣвъ разогнать лошадей, карьеромъ врѣзались въ ряды непріятеля.

Завязался сильный, упорный кавалерійскій бой.

Петръ съ лагеря наблюдалъ за его развитіемъ. Первые ряды были уже уничтожены съ обѣихъ сторонъ, а остальные перемѣшались другъ съ другомъ вслѣдствіе сильнаго напора заднихъ. Происходила жестокая рубка. Но вотъ шведскіе кирасиры, обойдя съ фланга, ударили на часть нашей конницы и оттѣснили ее въ сторону.

Этимъ создалось рискованное положеніе остальныхъ полковъ, такъ какъ образовавшійся промежутокъ давалъ возможность заднимъ частямъ шведской кавалеріи прорваться въ тылъ дерущимся. И, дѣйствительно, уже нѣсколько полковъ шведовъ неслись въ данномъ направленіи. Каждая минута была дорога. Петръ, судорожно натягивая поводья лошади, искалъ глазами Меньшикова, стоявшаго съ резервными полками, слѣва, у Яковецкаго лѣса.

„Данилычъ, поспѣшай!“—раздался суровый окликъ государя, но тотъ уже на рысяхъ приближался къ мѣсту боя. Петръ улыбнулся. Это было его дѣломъ — создать изъ сына конюха, торговавшаго подовыми пирогами, талантливаго и рѣшительнаго полководца. Меньшиковъ во-время подоспѣлъ на помощь; искуснымъ маневромъ оттѣснилъ прорвавшихся-было шведовъ и въ свою очередь врѣзался въ ряды кирасировъ. Этотъ ударъ рѣшилъ исходъ боя.

Кирасиры не выдержали напора и подались назадъ.

Русскіе съ беззавѣтной храбростью рубили направо и налѣво, поражая оробѣвшаго врага.

Подъ Меньшиковымъ были ранены уже двѣ лошади, но генералъ, пересѣвъ на третью, не хотѣлъ кончать боя, хотя уже четырнадцать шведскихъ знаменъ были захвачены его лихими кавалеристами.

Петръ, видя, что за кавалеріей слѣдуетъ шведская пѣхота, отдалъ приказъ генералу Бауеру начать отступленіе, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы, уклоняя свой правый флангъ, примкнуть къ правому флангу укрѣпленнаго лагеря.

Во время этого отступленія былъ раненъ въ бокъ на вылетъ лихой кавалеристъ генералъ Ренне.

Шведская пѣхота тѣмъ временемъ вела ожесточенный бой за владѣніе редутами. Поражаемые мѣткимъ огнемъ, шведы упорно лѣзли на укрѣпленія, но защитники штыковымъ ударомъ опрокидывали ихъ во рвы. Видя такое мужество русскихъ, фельдмаршалъ Реншильдъ отказался отъ мысли захватить редуты и приказалъ пѣхотѣ безъ боя во что бы то ни стало пройти между ними. И тутъ исполнились предположенія державнаго тактика, впервые примѣнившаго систему отдѣльныхъ укрѣпленій.

Шведы подъ непосредственной командой Левенгаупта, быстро развернувшись въ боевой порядокъ, подъ ожесточеннымъ огнемъ русскихъ редутовъ, бросились въ промежутокъ между ними за отступавшей конницей. Несмотря на большія потери, они пробились въ равнину, и, увлекаемые общимъ движеніемъ

впередъ, за дымомъ и пылью отступающихъ массъ кавалеріи, незамѣтно для себя подошли къ сильно укрѣпленному русскому лагерю на разстояніе тридцати саженъ. Въ это время русская конница передвинулась на правый флангъ, и густыя массы шведовъ подверглись убійственному огню руководимой Петромъ пѣхоты и артиллеріи. Картечь на такомъ близкомъ разстояніи выхватывала десятками; ни одна пуля не пропадала даромъ. Шведы, устилая равнину трупами, вынуждены были броситься въ сторону Будищенскаго лѣса, чтобы, укрывшись отъ огня, перемѣнить фронтъ боевого порядка и сомкнуть разстроившіеся отъ неожиданной встрѣчи ряды.

Между тѣмъ, колонна Розена, въ составѣ шести батальоновъ, не получивъ своевременно приказаній, продолжала атаку редутовъ. Будучи отдалена отъ остальной арміи на значительное разстояніе, эта колонна оказалась въ критическомъ положеніи, и Петръ, только покончивъ съ главными силами, немедленно двинулъ Меньшикова съ пятью батальонами и пятью полками драгунъ атаковать Розена. Здѣсь Меньшиковъ нанесъ обезсилѣвшимъ при упорной атакѣ редутовъ шведамъ страшное пораженіе и, поручивъ пѣхотѣ преслѣдованіе спасавшихся, самъ съ кавалеріей вернулся обратно на поле сраженія, гдѣ картина боя значительно уже измѣнилась.

Шведская пѣхота, изготовленная къ бою, стояла на опушкѣ Будищенскаго лѣса, поджидая прибытія колонны Розена и вспомогательнаго отряда Мазепы.

Петръ, предполагая возможность атаки своей главной арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, вывелъ во фланги значительныя части войска, чтобы имѣть возможность нанести наступающему противнику сильный фланговый ударъ.

Но шведы медлили...

Солнце уже высоко стояло надъ горизонтомъ, радостными лучами заливая поляну. Петръ нервно шагалъ вдоль бруствера. Еще вчера фельдмаршалъ Шереметевъ рапортовалъ ему объ измѣнѣ одного унтеръ-офицера Семеновскаго полка, уѣхавшаго ночью

въ шведскій лагерь. Государь зналъ, что король постарается узнать отъ перебѣжчика самыя слабыя стороны расположенія русскихъ, и его безпокоила мысль, чтобы предупредить возможныя послѣдствія измѣны. Вдругъ взоръ его упалъ на рѣзко выдѣлявшіеся сѣрые мундиры новонабраннаго Апраксинскаго полка. Подозвавъ къ себѣ командира этого полка, государь повелѣлъ ему отвести полкъ въ тылъ и тамъ переодѣть его въ форму Новгородскаго полка, а послѣднему отдать сѣрые мундиры.

Все было готово.

Мѣрно выходили назначенные полки изъ укрѣпленій, развертываясь широкимъ фронтомъ на полянѣ. Въ это время вынесенные церковные хоругви и кресты, подобно лампадамъ, теплились на солнцѣ, и голубоватые круги дыма благовоннаго ладана высоко поднимались изъ кадильницъ, постепенно расплываясь и какъ бы уносясь къ небесному престолу Всевышняго. Духовенство призывало помощь Божію на развернутыя знамена и кропило святою водой проходившіе полки.

Царь сталъ на колѣни передъ Нерукотореннымъ образомъ Спаса, на которомъ былъ положенъ крестъ Животворящаго Древа Креста Господня, и, взявъ крестъ, знаменовался, цѣловалъ и возложилъ на себя со словами:

— Ты мнѣ щитъ и шлемъ, и непобѣдимое оружіе на врага; на тебя единаго упованіе мое.

А пѣвчіе пѣли:

„Суди, Господи, обидящихъ мя, побори борющія ми, приими оружіе и щитъ и возстани въ помощь мою“...

Въ послѣдній разъ Петръ объѣзжалъ полки.

Онъ былъ въ мундирѣ гвардейскаго полковника, въ ботфортахъ и шарфѣ, со шпагой въ $1^1/_2$ аршина длины, ефесъ которой былъ перевитъ желѣзной проволокой.

Выѣхавъ передъ развернутымъ фронтомъ, Петръ осѣнилъ крестообразно шпагою войска и, обратившись къ Шереметеву, громко сказалъ:

— Господинъ фельдмаршалъ, поручаю вамъ мою

армію и надѣюсь, что въ начальствованіи оною поступите согласно предписанію, вамъ данному, а въ случаѣ непредвидѣнномъ, какъ искусный полководецъ. Моя же должность надзирать надъ всѣмъ вашимъ начальствованіемъ и быть готовымъ на помощь во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовать будетъ опасность и нужда.

Шереметевъ отъ лица генералитета и арміи просилъ государя „поберечь его священную особу и не пріобщаться въ баталію".

— Оставьте это моему попеченію, — отвѣчалъ Петръ, и велѣлъ начинать наступленіе.

Шведскій король въ это время находился передъ своими отборными лейбъ-гвардейскимъ юнкепинскимъ и драбантскимъ полками, поставленными съ праваго фланга. Замѣтивъ въ первой линіи наступавшей русской арміи сѣрые мундиры, которые должны были, согласно указаніямъ дезертировавшаго русскаго унтеръ-офицера, обозначать новонабранныхъ солдатъ, Карлъ приказалъ этимъ полкамъ плотно сомкнуться, чтобы они по мѣсту могли уравняться съ замѣченнымъ батальономъ новобранцевъ и, давъ знакъ общаго наступленія, отдалъ распоряженіе командиру означенныхъ полковъ, генералу Лагеркрону, сбить новобранцевъ и отрѣзать лѣвое русское крыло отъ главной линіи.

Несмотря на губительный мѣткій огонь русской артиллеріи, поддерживающей наступленіе русской пѣхоты, шведы храбро ринулись впередъ, смыкая рѣдѣвшіе отъ картечи ряды. Подойдя на близкое разстояніе, бригада отборныхъ полковъ, передъ которой несли короля, воодушевленная его присутствіемъ, яростно устремилась на батальоны Московскаго, Бутырскаго, Новгородскаго и Шлиссельбургскаго полковъ. Новгородскій полкъ, имѣя противъ себя двойныя силы враговъ, не выдержалъ стремительнаго натиска, былъ опрокинутъ и подался назадъ. Юнкепинцы и драбанты, исполняя волю короля, упорно насѣдали, дѣлая отчаянныя усилія, чтобы прорваться сквозь первую линію.

Петръ Великій, слѣдившій за боемъ, замѣтилъ отчаянное положеніе новгородцевъ и, согласно своему обѣщанію, немедленно взявъ изъ задней линіи второй батальонъ своихъ преображенцевъ, бросился навстрѣчу уже было прорвавшимся шведамъ. Это былъ всесокрушающій напоръ.

Петръ мчался передъ преображенцами, не отстававшими отъ своего державнаго вождя.

Новгородцы, напираемые драбантами, увидѣвъ спѣшившаго къ нимъ государя, повернулись и съ негодованіемъ набросились на шведовъ. Бросившіе было оружіе хватали у мертвыхъ ружья и прикладами сыпали удары на дрогнувшаго врага.

Прибытіе царя возстановило равновѣсіе въ этомъ пунктѣ и послужило какъ бы сигналомъ къ общей атакѣ со стороны русскихъ по всей линіи.

Царственный полководецъ и солдаты не щадили себя, и черезъ полчаса упорной битвы русскія войска, не разрывая общей своей линіи, охватили шведскую армію справа и слѣва. Три шведскія пули несли смерть государю, но животворящій крестъ былъ крѣпкимъ „щитомъ" Петра. Десница Всевышняго хранила царя, чтобы спасти Россію. Одна пуля пронизываетъ шляпу, другая пробила сѣдло и завязла въ чепракѣ, третья только погнула висѣвшій на груди крестъ.

И въ эту историческую роковую минуту, когда все слилось въ хаосъ стоновъ, смерти, огня и дыма, судьба уже опредѣлила своего избранника и начертала на его челѣ торжество побѣды!

Россія никогда не забудетъ этого геройскаго подвига своего государя и

„Сотни лѣтъ еще пройдутъ,
Эти царскія три пули
Въ сердцѣ русскомъ не умрутъ..."

Карлъ XII видѣлъ крушеніе своего плана. Назначенные имъ полки встрѣтили ужасное сопротивленіе, показавшее, что они имѣютъ дѣло далеко не съ новонабранными войсками.

Онъ молча отвернулся въ сторону. Вдругъ ядро съ шумомъ ударилось въ носилки.

— Король убитъ!

Точно электрическая волна пробѣжалъ этотъ слухъ по рядамъ шведской арміи, и всѣми полками овладѣло замѣшательство. Напрасно Карлъ приказывалъ поднять себя и посадить на скрещенныя пики, напрасно, обращаясь къ солдатамъ, кричалъ: Шведы! Шведы!... Вокругъ себя онъ видѣлъ только полное разстройство своей когда-то побѣдоносной арміи.

Русскіе отчаяннымъ штыковымъ боемъ продвигались медленно, но вѣрно впередъ, оттѣсняя шведовъ. На флангахъ кипѣло горячее кавалерійское дѣло. Уже груды труповъ покрывали поле сраженія, мѣшая передвиженіямъ. Среди перемѣшавшихся шведскихъ полковъ исчезъ всякій порядокъ, и солдаты разстроенными толпами, сбившимися около предводителей, отступали къ Будищенскому лѣсу.

Но тутъ съ гиканьемъ неслись драгуны Меньшикова, прорвавшіеся въ тылъ непріятелю. Лихіе кавалеристы, щедро расточая во всѣ стороны могучіе удары, забирали въ плѣнъ знамена и цѣлые батальоны солдатъ съ ихъ командным составомъ. Карлъ въ безсильной ярости скрежеталъ зубами, бился головой и стучалъ больною ногою, причинявшей ему невыразимыя страданія.

Бѣгущіе шведы не обращали вниманія на короля, котораго считали убитымъ. Изъ двадцатичетырехъ драбантовъ, окружавшихъ носилки, въ живыхъ остались только трое, которые едва успѣли увести съ поля сраженія своего лишившагося чувствъ короля.

Въ третьемъ часу дня Петръ объѣзжалъ поле сраженія и благодарилъ войска. Русскіе военачальники окружили своего вѣнценоснаго вождя, и царь, преклонивъ передъ ними шпагу, сказалъ:

— Здравствуйте, сыны отечества, чады мои возлюбленныя!... По́томъ трудовъ моихъ родилъ васъ и теперь безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить невозможно. Вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, славѣ и ко мнѣ, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства.

И государь не ошибался. Благодарная Россія всегда будетъ гордиться воинскою славою павшихъ въ Полтавскомъ бою предковъ, но въ то же время она всегда будетъ помнить, что сердца этихъ героевъ утверждались въ великой любви государя къ своему отечеству.

Но великія побѣды, къ которымъ велъ свое воинство державный вождь, не оканчивались Полтавской битвой. Отбросивъ дерзостный набѣгъ шведскаго короля, надо было закрѣпить завоеванія прибалтійскаго края, обезпечить прочное занятіе Финляндіи. И вотъ 27 іюля 1714 года русская гребная ѳлотилія, предводимая царемъ, подошла къ Гангутскому мысу, около котораго стоялъ могущественный шведскій корабельный ѳлотъ.

На глазахъ непріятеля державный контръ-адмиралъ Петръ Алексѣевъ проводитъ свои суда въ бухту Рилаксъ-фіордъ, гдѣ стоялъ шведскій отрядъ контръ-адмирала Эреншильда, состоявшій изъ ѳрегата „Элеѳантина", 6 галеръ и трехъ вооруженныхъ шхерботовъ. Подъ сильнымъ огнемъ шведской артиллеріи наши передовыя галеры, руководимыя царемъ, проявляя сверхчеловѣческую доблесть, ринулись на абордажъ на изумленнаго такимъ геройствомъ врага. Русскія десантныя войска лѣзли на самыя пушки „разрываемыя,— по мѣткому замѣчанію царя,— не только ядрами, но и пороховымъ духомъ".

Пять часовъ длилась агонія шведской эскадры, пока, наконецъ, непріятель не сдалъ всѣ свои суда русскимъ.

Теперь передъ изумленными глазами Европы Россія выступаетъ какъ могущественная сухопутная и морская держава, Ништадтскимъ миромъ (1721 г.) утвердившая за собою все южное побережье Балтійскаго моря.



Александръ I.

Грозное время переживала Россія въ 1812 году. Вся Европа судорожно извивалась у ногъ новаго властителя Наполеона, раболѣпски прислушиваясь къ его велѣніямъ. Только русскій императоръ сумѣлъ въ это время поддержать достоинство своего государства. И шестисотысячная армія безъ объявленія войны вторглась въ предѣлы Россіи.

Полчищамъ Наполеона, состоявшимъ изъ отборныхъ войскъ почти всѣхъ народовъ Европы, Россія могла противопоставить только двѣсти тысячъ солдатъ; но зато всѣ они были одушевлены горячимъ желаніемъ до послѣднихъ силъ постоять за оскорбленную родину и торжественный обѣтъ императора — не полагать оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ останется въ Россіи—отвѣчалъ общему желанію русской арміи. „На начинающаго Богъ“ гласилъ приказъ, принявшаго на себя командованіе арміями, Александра Павловича, и страшная сила удара была выдержана имъ съ героической стойкостью.

Царь горячо вѣрилъ, что Россія должна побѣдить Наполеона—мало того, она должна освободить всю Европу отъ его ига.

Когда очищеніемъ Смоленска непріятелю открывался путь къ Первопрестольной, при вопросѣ одного изъ собесѣдниковъ о заключеніи мира — Александръ I быстро выпрямился, ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ могучимъ голосомъ: „Нѣтъ мира даже на берегахъ Волги“.

И въ томъ глубокомъ единеніи народа съ своимъ

государемъ, въ той вѣрѣ, съ какою Русь взирала на своего верховнаго вождя, — была смертельная опасность врагу. Громадная, невиданная по численности армія, вооруженная по послѣднему требованію техники, озаренная ореоломъ непобѣдимости своего полководца, встрѣчая въ каждомъ русскомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ гражданинѣ Минина, теряла прежнюю бодрость и склоняла главу передъ



Императоръ Александръ I.

великимъ мученичествомъ русскаго народа за своего царя и отечество.

Знаменитая Бородинская битва, несмотря на крайнее напряженіе непріятеля, закончилась тѣмъ, что мы не уступили ни одной пяди земли.

Стратегическія соображенія, правда, заставили русскихъ продолжать отступленіе.

Больно отозвались въ русскомъ сердцѣ слова главнокомандующаго Кутузова: „Съ потерею Москвы еще не потеряна Россія. Приказываю отступать“—

но зато подъ Бородинымъ французское нашествіе получило смертельный ударъ.

Оно, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться. Послѣ даннаго толчка французское войско могло докатиться до Москвы, но тамъ безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, одно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной при Бородинѣ, раны.

И началось позорное отступленіе великой арміи.

Оборванный, полунагой, окоченѣлый отъ рѣзкихъ порывовъ вьюги при сильныхъ морозахъ падалъ надменный врагъ, своими мученіями искупая свой дерзостный набѣгъ.

Геніальный вождь, покорившій передъ тѣмъ всю Европу, бѣжитъ отъ остатковъ своего войска, не вынося своего позора!

„Нѣтъ мира съ врагами!“ Армія Наполеона разбита, но могущество его не сломлено. Оно попрежнему угрожаетъ прочному миру. И самъ императоръ Александръ вновь становится во главѣ своихъ войскъ и 1-го января 1813 года послѣ молебна переходитъ Нѣманъ—границу имперіи и черезъ 7 дней вступаетъ въ Пруссію.

Началась война за освобожденіе Европы, идея которой и главное руководительство принадлежало Александру I.

Наполеонъ защищался, какъ левъ — подъ Люценомъ, Бауценомъ и Дрезденомъ онъ наносилъ блестящіе удары—и вновь колебались души союзныхъ государей, но непреклонна была воля императора Александра, вѣрившаго въ назначеніе Россіи—и грянула „битва народовъ“.

Наполеонъ, въ виду наступательнаго движенія союзныхъ армій, сосредоточилъ всѣ свои силы подъ Лейпцигомъ.

Здѣсь предстояло рѣшиться вопросу: быть или не быть Наполеону? Колебавшіеся союзники Австрія и Пруссія уже начали заигрывать съ Наполеономъ. Вся отвѣт-

ственность кампаніи ложилась на Александра. И русскій императоръ выказалъ здѣсь необыкновенныя воинскія дарованія.

„Сколько я не присматривался къ государю“ — замѣчаетъ одинъ очевидецъ военнаго совѣта 3-го октября — „разсуждающему о военныхъ дѣлахъ въ полѣ, то его мнѣнія были самыя основательныя и дальновидныя“. Согласно его диспозиціи русскія войска заняли правую сторону рѣки Плейссы и только упорство австрійскаго фельдмаршала бросило австрійскія войска въ мѣстность, образуемую теченіемъ Плейссы и Эльстера.

Утромъ 4-го октября императоръ Александръ прибылъ на поле сраженія, когда армія строилась въ боевой порядокъ.

Шагомъ и въ молчаніи ѣхалъ онъ къ первой линіи, какъ вдругъ, въ началѣ 10-го часа, раздался гулъ перваго непріятельскаго выстрѣла; казалось, врагъ привѣтствовалъ государя.

Вскорѣ закипѣлъ бой. Всѣ усилія Наполеона были направлены, чтобы прорвать центръ союзниковъ и отбросить Богемскую армію къ Плейссѣ. Съ этой цѣлью онъ около 2-хъ часовъ пополудни двинулъ значительную массу кавалеріи, поддержанную главными силами къ селенію Госсы, въ близкомъ разстояніи отъ высоты, на которой находился императоръ Александръ I.

Генералы, бывшіе въ свитѣ государя, видя опасность, умоляли его удалиться, но Александръ, не обращая вниманія на опасность, съ безмятежнымъ спокойствіемъ, обычнымъ ему въ важныхъ случаяхъ жизни, заботился только объ подкрѣпленіи опрокинутыхъ войскъ. Всѣ стоявшіе близъ Александра считали сраженіе проиграннымъ, не отчаивался только государь. Это была блистательнѣйшая изъ минутъ его военнаго поприща. „Я смотрѣлъ нарочно въ лицо государю“ — пишетъ одинъ очевидецъ — „онъ не смѣшался ни на одно мгновеніе и, приказавъ находившимся въ его конвоѣ лейбъ-казакамъ ударить на фран-

цузскихъ кирасиръ, отъѣхалъ назадъ не болѣе 15 шаговъ“.

Положеніе императора было тѣмъ опаснѣе, что позади его находился длинный глубокій оврагъ, черезъ который не было моста.

Въ эту критическую минуту боя государь подозвалъ къ себѣ начальника артиллеріи—генерала Сухозанета и, указавъ на поле сраженія, сказалъ: „Видишь, теперь тотъ лучше, кто прежде всѣхъ сюда приспѣетъ; далеко твоя артиллерія?“ — „Она будетъ здѣсь черезъ двѣ минуты“, отвѣчалъ Сухозанетъ и дѣйствительно скоро 12 орудій русской резервной артиллеріи открыли по непріятельскимъ колоннамъ всесокрушающій огонь.

Удавшійся было прорывъ былъ остановленъ и контръ-атака Наполеона не имѣла послѣдствій.

Теперь взоры всѣхъ были прикованы къ личности нашего государя.

Всѣ считали, что „Спасеніе міра зависитъ отъ его жизни“. Довѣріе къ австрійскому фельдмаршалу князю Шварценбергу было потеряно окончательно.

Пруссаки во всемъ покорились императору и даже австрійцы, признавая его высокія дарованія, начали его слушаться.

Цѣлый день 5-го октября Александръ провелъ въ полѣ подъ дождемъ, занимаясь лично принятіемъ необходимыхъ мѣръ, въ виду предстоявшаго рѣшительнаго сраженія.

6-го октября сраженіе возобновилось. Утромъ прекраснаго осенняго дня Александръ I прибылъ къ войскамъ, прежде выступленія ихъ съ биваковъ. Слѣдуя за колоннами центра, онъ переѣзжалъ съ одной высоты на другую, подъ ядрами перелетавшими черезъ него, и неоднократно подвергался опасности; въ особенности при продолжительной атакѣ деревни Пробстгейда.

Одно ядро упало очень близко отъ государя; его умоляли отъѣхать, но онъ, ободряя окружающихъ, сказалъ любимую поговорку: „Одной бѣды не бываетъ: посмотрите, сейчасъ прилетитъ другое ядро“, и

едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ зажужжала граната и возлѣ государя своими осколками ранила нѣсколько конвойныхъ. Мужество государя, вѣрная храбрость его войскъ спасли Европу.

„Битва народовъ“ была выиграна союзниками, и 7-го октября императоръ Александръ около полудня, залитый солнцемъ, въѣхалъ въ столицу Саксоніи и объявилъ саксонскаго короля военноплѣннымъ.

И какъ Бородино открывало путь къ Москвѣ, такъ Лейпцигская побѣда открывала путь въ Парижъ.

Столица Франціи должна была склониться съ извиненіемъ передъ Москвой.

Подъ Парижемъ произошла одна изъ самыхъ кровавыхъ битвъ кампаніи 1813—1814 годовъ.

Императоръ Александръ попрежнему являлся центральной фигурой сраженія.

Только благодаря его твердости было избѣгнуто массовое избіеніе при окончательномъ штурмѣ столицы.

„Съ бою или церемоніальнымъ маршемъ, на развалинахъ или въ пышныхъ палатахъ, но Европа должна нынѣ же ночевать въ Парижѣ“.

И дѣйствительно, въ тотъ же день (19 марта 1814 года) Александръ въ темнозеленомъ мундирѣ, на своемъ мекленбургскомъ конѣ, въѣзжалъ въ столицу міра, вызывая нескончаемыя оваціи населенія, внося съ собою отдохновеніе отъ пережитыхъ обременительныхъ войнъ и исповѣдуя, „что лучше заставить себя любить, чѣмъ бояться“.

Николай I.

„Нѣтъ власти, аще не отъ Бога“. Съ такимъ убѣжденіемъ вступалъ на Россійскій престолъ, послѣ ранней смерти Александра I-го, его братъ Николай Павловичъ. Съ искренней вѣрой въ высокое назначеніе царя, какъ помазанника Божія, онъ требовалъ полной покорности этой власти и сдѣлалъ ее средоточіемъ жизни страны.

Тогда на Востокѣ начиналась неравная борьба грековъ съ своими вѣковыми угнетателями—турками, борьба, сопровоздавшаяся ужаснѣйшими избіеніями греческаго населенія.

Море крови, огня и слезъ несчастныхъ единовѣрцевъ не могли не тронуть императора Николая и по его предложенію Францiя и Англія двинули совмѣстно съ Россіей союзный флотъ къ Наваринской гавани, гдѣ стояла могущественная турецко-египетская эскадра.

Турки первые открыли огонь и предполагавшуюся простую демонстрацію превратили въ настоящее морское сраженіе. Послѣ четырехчасового боя турецко-египетскій флотъ, состоявшій изъ 65 кораблей при 2106 орудіяхъ, былъ цѣликомъ сожженъ и потопленъ 26 европейскими кораблями.

Но хотя турецкій султанъ Махмудъ въ испугѣ и писалъ своему визирю: „Соберись съ духомъ, ибо Аллахъ вѣдаетъ опасность велика“, но тѣмъ не менѣе Турція, придерживаясь своей обычной лживой политики, не склонялась къ уступкамъ и готовилась къ войнѣ съ Россіей, которую считала главной вино-

вницей гибели своего флота. Ея манифестъ, обнародованный 8 декабря 1827 года, призывалъ всѣхъ магометанъ взяться за оружіе и стать подъ ея знамена въ религіозной войнѣ съ Россіей.

Императору Николаю I оставалось только принять вызовъ, дерзко брошенный ему султаномъ, и 14 апрѣля 1828 года, былъ опубликованъ манифестъ о войнѣ съ Турціей, „поправшею святость мирныхъ союзовъ и международныхъ обычаевъ“.



Императоръ Николай I.

Рѣшившись на войну, императоръ пожелалъ принять личное участіе въ предстоящихъ на Дунаѣ военныхъ дѣйствіяхъ.

Державный вождь считалъ своей обязанностью принять „скромную долю участія“, въ трудахъ и опасностяхъ своей арміи.

Трогательною нѣжностью звучатъ слова его письма, отправленнаго передъ отъѣздомъ къ цесаревичу Константину Павловичу.

„Если такова воля Божья и я покину жизнь, то

съ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ, какъ честный человѣкъ, и съ сожалѣніемъ, что не могъ быть болѣе полезнымъ моему дорогому отечеству".

Императоръ Николай I покинулъ Петроградъ 25 апрѣля и, желая скорѣе явиться среди своей арміи, ѣхалъ день и ночь, по испорченнымъ продолжительными дождями дорогамъ, останавливаясь только ненадолго, для осмотра войскъ въ Могилевѣ, Елисаветградѣ и Вознесенскѣ.

7-го мая государь переѣхалъ по мосту черезъ Прутъ въ Водулай-Исани, первымъ изъ русскихъ монарховъ, со времени Петра Великаго, вступая на оттоманскую территорію. Россія съ безпокойствомъ взирала на отъѣздъ государя въ армію и на тѣ опасности, которыя неминуемо ожидали его среди непривѣтливой вражеской страны. Она гордилась неустрашимостью и твердостью своего вождя и молила Всемогущаго „сохранить его для благо отечества". И эта молитва спасала государя.

Пріѣхавъ въ полночь 7-го мая къ Браилову, государь уже на слѣдующій день, въ сопровожденіи громадной свиты, объѣхалъ верхомъ мѣстность вокругъ крѣпости и всѣ войска блокаднаго корпуса, которыя восторженно встрѣчали своего молодого царя, явившагося обозрить ихъ и раздѣлить съ ними труды и опастности предпринятаго похода.

Высокаго роста, съ широкой грудью, открытымъ и прямымъ лбомъ, звонкимъ голосомъ и свѣжимъ рѣшительнымъ лицомъ, Николай I производилъ сильное впечатлѣніе на солдатъ, готовыхъ въ его присутствіе творить чудеса храбрости. Но и самъ государь въ этомъ отношеніи давалъ примѣръ своему воинству.

Когда къ разсвѣту 13-го мая открыла огонь большая батарея, заложенная въ 200 саженяхъ отъ крѣпости и вооруженная 12-ю осадными, и 12-ю батарейными орудіями, государь прибылъ на нее, чтобы лично удостовѣриться въ ея дѣйствіи. Непріятель, замѣтивъ скопленіе большого числа людей, на ближайшемъ къ крѣпости возвышеніи и среди нихъ государя

со свитой, направилъ туда свои выстрѣлы и стрѣлялъ такъ мѣтко, что многія ядра ударялись въ подошву этой высоты, а нѣкоторыя перелетали черезъ нее и попадали въ стоявшихъ тутъ же верховыхъ лошадей. И несмотря на все усиливавшійся огонь непріятеля и просьбы свиты, государь не покинулъ батареи, пока лично не осмотрѣлъ заготовленные туры и фашины, и не провѣрилъ дѣйствіе нашихъ орудій.

Въ этотъ же день императоръ Николай заботливо обошелъ раненыхъ и больныхъ, роздалъ имъ деньги и вникалъ въ малѣйшія подробности касательно пищи солдатъ и медицинскаго за ними ухода.

Изъ-подъ Браилова государь, встрѣтившись съ императрицею Александрой Ѳеодоровной и проводивъ ее въ Одессу, направился въ Измаилъ, гдѣ его ждали запорожскіе казаки, нѣкогда бѣжавшіе за Дунай къ туркамъ и теперь вернувшіеся снова въ нѣдра прежняго своего отечества. Государь принялъ ихъ ласково, и когда запорожцы съ своимъ кошевымъ Гладкимъ поверглись къ стопамъ Его Величества и искренно просили прощенія, императоръ Николай произнесъ знаменательныя слова: — „Я знаю, что вы за люди. Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ и я прощаю". Увидѣвъ такое довѣріе государя, казаки поклялись вѣрою и правдою служить Россіи противъ турокъ, и вскорѣ блистательнымъ образомъ подтвердили данное ими слово.

Дѣло было у Сатунова. Уже была наведена пятиверстная гать, по которой должны были войска подойти къ мѣсту переправы и на самомъ краю Дуная, въ виду непріятельскихъ укрѣпленій, заложена 25 орудійная батарея. Понтоны и большія барки, приготоленныя для пловучаго моста, колыхались у устья маленькой рѣки, ожидая сигнала ко входу въ Дунай.

Гребная флотилія запорожцевъ приближалась противъ теченія къ указанному мѣсту, и всѣ малыя суда находились между камышами и кустарниками, покрывавшими нашъ берегъ. Предстояла переправа, которая въ самихъ русскихъ генералахъ вызывала со-

мнѣніе въ успѣхѣ. Близость турецкихъ укрѣпленій, закрытое расположеніе 15 орудій большого калибра, въ сферѣ самаго дѣйствительнаго пушечнаго выстрѣла которыхъ находилась оконечность гати, и сильное теченіе разлившейся рѣки.—все это дѣлало наводку моста совершенно невозможной, даже при слабомъ сопротивленіи обороняющагося. И тутъ-то сказались воинскія дарованія молодого государя. Онъ вѣрилъ въ силу своихъ героевъ и собственноручно написалъ диспозицію, согласно которой и произошла переправа.

Съ самаго разсвѣта императоръ Николай I прибылъ на оконечность плотины и распоряжался дѣйствіями войскъ. Турки открыли губительный огонь, какъ вдругъ въ тылъ имъ съ знакомымъ гиканьемъ ударили запорожцы, на 40 лодкахъ переправившіеся на тотъ берегъ. Растерявшіеся турки, занимавшіе въ числѣ 10.000 человѣкъ выгодную позицію, были отброшены, и дальнѣйшая переправа войскъ была обезпечена.

Государь, не желая дожидаться наводки моста, потребывалъ, къ удивленію своей ближайшей свиты, для переправы черезъ Дунай лодку атамана Гладкаго. Желая отблагодарить запорожцевъ, императоръ Николай, въ виду еще не сдавшейся и защищаемой сильнымъ гарнизономъ крѣпости, сѣлъ въ шлюпку запорожскаго атамана.

Гладкій самъ стоялъ у руля, а на веслахъ сидѣло двѣнадцать его казаковъ.

Этимъ людямъ, такъ недавно еще нашимъ смертельнымъ врагамъ, стоило только ударить нѣсколько лишнихъ разъ веслами, чтобы сдать туркамъ, подъ стѣнами Исакчи, русскаго самодержца, ввѣрившагося имъ въ сопровожденіи всего только двухъ генераловъ.

Но атаманъ и его казаки вспоминали ласковыя слова государя: „я знаю, что вы за люди“—и въ восторгѣ отъ новаго знака довѣрія съ жаромъ кричали: „Мы, батюшка-царь, твои, и не только наша дружина, но и всѣ наши товарищи“.

Императоръ Николай I благополучно присталъ къ турецкому берегу.

Вскорѣ къ государю изъ Исакчи явились два парламентера съ извѣстіемъ, что комендантъ готовъ сдать ввѣренную ему крѣпость. Здѣсь было найдено 85 орудій, 18 знаменъ и богатые военные и продовольственные припасы...

Такъ произошло, благодаря рѣшительности Николая I, одно изъ самыхъ отважныхъ предпріятій, обошедшееся намъ потерею всего 112 человѣкъ убитыми и ранеными.

Еще большую славу русскому оружію принесло взятіе крѣпости Варны, осадою которой также лично руководилъ императоръ.

27-го августа, еще утренній туманъ не успѣлъ подняться съ рѣки, фрегатъ „Флора", везшій государя, бросилъ якорь посреди линейныхъ кораблей Черноморскаго флота, стоявшихъ противъ Варны... Вблизи розовѣли укрѣпленія, окружавшія городъ; можно было разсмотрѣть башни, валы, бастіоны, равно какъ орудія и ружья, сверкавшія на солнцѣ; минареты мечетей, закрытые дома и казавшіяся опустѣлыми улицы, по которымъ двигались одни солдаты. Повсюду замѣчались слѣды дѣйствія нашихъ бомбъ и ядеръ.

Вокругъ города раскинулись наши войска, подвигавшіяся къ крѣпостнымъ стѣнамъ посредствомъ траншей и параллелей. Батареи, расположенныя въ виноградникахъ и садахъ. дѣйствовали день и ночь, сокрушая твердыни съ суши и со стороны рѣки, по очереди выходили на поле выстрѣла линейные корабли и громили городъ изъ своихъ орудій.

Гребень горы былъ занятъ гвардейской пѣхотой...

Все это представляло живую, захватывающую картину.

Государь выкинулъ штандартъ на кораблѣ „Парижъ", немедленно сошелъ на берегъ, осмотрѣлъ лагери и лазареты, гдѣ добрымъ словомъ старался ободрить раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Несмотря на постепенное усиленіе средствъ атаки, турки съ необыкновеннымъ упорствомъ отстаивали шагъ за шагомъ осажденную крѣпость.

Наступала половина сентября, а между тѣмъ нельзя было еще предвидѣть конца осады, тогда какъ взятіе Варны являлось необходимымъ заключительнымъ дѣломъ кампаніи 1828 года и залогомъ дальнѣйшихъ нашихъ успѣховъ на Балканскомъ полуостровѣ. Надо было взять крѣпость во что бы то ни стало. И тутъ проникновенный взоръ Николая сразу отмѣтилъ ошибочность стремленія атаковать первый (приморскій) Варнскій бастіонъ, что не обѣщало рѣшительнаго результата при необходимости большихъ жертвъ людьми.

Надо было сдѣлать прорывъ между первымъ и вторымъ бастіонами и, устроивъ пространный ложементъ, дѣйствовать изъ него по городу, принудивъ крѣпость къ сдачѣ безъ штурма. Кромѣ того, Государемъ было приказано обратить главную атаку на второй бастіонъ, обрушивъ его предварительно минами.

Императоръ Николай I нашелъ лучшаго исполнителя своихъ предначертаній въ лицѣ командующаго лейбъ-гвардіи сапернымъ батальономъ полковника Шильдера, находчивость и изобрѣтательность котораго преодолѣли всѣ усилія храбрыхъ защитниковъ, и 22-го сентября второй бастіонъ взлетѣлъ на воздухъ и притомъ такъ, что, вставъ вверхъ дномъ, обратившись фронтомъ къ непріятелю. Такимъ образомъ здѣсь открылась пологая брешь и выброшенной землей засыпалась часть водяного ровика, находившагося въ глубинѣ рытвины. Эти дѣйствія осаждающихъ войскъ и нерѣшительное поведеніе пришедшаго съ 30.000 человѣкъ на помощь Варнскому гарнизону Омеръ-Вріоне побудили Юсуфъ-пашу 28 сентября отдаться подъ покровительство Императора. Капуданъ-паша Изетъ Мегметъ, удалившійся было во внутреннюю цитадель города, также былъ принужденъ къ капитуляціи сильнымъ огнемъ черноморскаго флота и батарей.

Государь, прибывъ утромъ на передовыя позиціи, видѣлъ уже турецкій гарнизонъ, выходившій изъ крѣпости, и затѣмъ отправился осматривать осадныя работы; спустившись въ ровъ, изъ которыхъ ведены

были минныя работы, и осмотрѣвъ тщательно все сдѣланное нашими саперами, Николай Павловичъ поднялся на Варнскія твердыни, увѣнчанныя турами атакующаго.

30-го сентября въ лагерѣ было отслужено благодарственное молебствіе. Громъ орудій полевой и судовой артиллеріи возвѣстилъ славное окончаніе кровавой борьбы подъ Варною.

Государь подошелъ къ гвардейскимъ саперамъ, наиболѣе отличившимся при осадѣ крѣпости, и собственноручно привязалъ къ ихъ знамени георгіевскій крестъ, говоря: „Вы это заслужили; мнѣ пріятно, что не забыли вы словъ покойнаго Государя, когда дано было вамъ это знамя, что при первомъ случаѣ промѣняете его на георгіевское,—осада Варны оправдала мои ожиданія“.

Послѣ этого событія государь покинулъ театръ военныхъ дѣйствій. Новый рекрутскій наборъ, текущія государственныя дѣла и болѣзнь императрицы Маріи Θеодоровны требовали присутствія монарха въ Петроградѣ.

Вскорѣ блистательные успѣхи русскихъ войскъ, подступившихъ къ Адріанополю и угроза самой столицѣ, заставили султана просить мира, который и былъ заключенъ въ Адріанополѣ.

Цѣною русской крови были навсегда открыты для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія Дарданеллы и Босфоръ и утверждены права и преимущества Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи; Греція была признана вассальнымъ государствомъ. Цѣль войны была достигнута Россіей.

Твердо чувствовала себя Россія, оберегаемая отъ бурь и невзгодъ могущественнымъ государемъ, крѣпко стоявшимъ на стражѣ всеобщей тишины и спокойствія.

Но вотъ съ первыхъ же дней 1853 года на политическомъ горизонтѣ Россіи собираются новыя зловѣщія грозовыя тучи.

Возникшее разногласіе между Портой и Россіей привело къ столкновенію съ великими державами

Запада, ополчившимися противъ сѣвернаго богатыря, котораго еще такъ недавно онѣ увѣряли въ дружбѣ и расположеніи.

Но не дрогнулъ русскій царь. Затаивъ скорбь, онъ съ достоинствомъ принялъ вызовъ, и передъ христолюбивымъ воинствомъ его вновь засверкала императорская корона, долженствовавшая сдѣлаться вѣнцомъ всеславянскаго государя. Во имя этой идеи наши полки съ вѣрою на помощь Бога и любовью къ царю пошли на югъ за смертью и за славой. Началась знаменитая оборона Севастополя.

„Буди воля Божія, буду нести крестъ мой до истощенія силъ“, писалъ императоръ Николай въ это время, и, дѣйствительно, сердце царево разрывалось, получая донесенія о безконечныхъ жертвахъ, о льющейся потоками крови.

Не жалѣлъ своихъ силъ государь. Несмотря на запрещеніе врачей, онъ глубоко простуженный къ сильный морозъ выѣхалъ 9-го февраля 1855 г. проститься съ полками, уходившими въ Крымъ.

То же случилось и 10-го февраля, а 11-го того же мѣсяца императоръ слегъ въ постель съ тѣмъ, чтобы уже не подняться.

„Иду молиться за Россію“, — были его послѣднія слова, сказанныя наслѣднику.

Александръ II.

Царь-Освободитель вступилъ на престолъ Россійской Имперіи съ сознаніемъ неизмѣримой тяжести подвига служенія Россіи. Глубокая скорбь лежала на душѣ его, а взоръ неотступно былъ устремленъ на югъ—туда, гдѣ, какъ скала среди бушующаго кроваваго моря, стояла Севастопольская твердыня, разрушаясь въ неравной стихійной борьбѣ съ Европой. Только въ народной любви надѣялся онъ найти нравственную крѣпость для успѣшнаго служенія отечеству и потому въ Высочайшемъ своемъ приказѣ проситъ весь народъ „стать на колѣни въ своихъ домахъ и молиться невидимо и неслышно, усердно и тепло за Него, за Его счастіе и крѣпость въ подвигѣ жизни". И первымъ его дѣломъ было, горячо помолившись подъ сѣнью Московскихъ святынь, отправиться повидать своихъ героевъ, подкрѣпить ихъ царскимъ словомъ, поблагодарить ихъ и поклониться павшимъ.

28 сентября Александръ II, сопровождаемый двумя младшими братьями, прибылъ уже въ Бахчисарай, гдѣ находился главный штабъ Крымской арміи. Едва войска завидѣли его съ крутой, почти отвѣсной скалы, какъ стремглавъ бросились къ императору и остановили коляску.

Солдаты цѣловали его руки и ноги. Государь въ землю поклонился Севастополю, долго молясь со слезами о павшихъ герояхъ.

Въ продолженіи четырехъ дней императоръ объѣзжалъ войска, расположенныя на позиціяхъ вокругъ Севастополя, и всѣхъ освѣщало солнце царской ласки.

Государь каждому находилъ бодрящее слово, не забывая ни офицеровъ, ни солдатъ, ни вдовъ, ни сиротъ, и царскія слезы не разъ смѣшивались со слезами народа. И только по заключеніи почетнаго для Россіи мира государь согласился возложить на себя корону и принять установленное мѵропомазаніе.

Но вмѣстѣ съ возложеніемъ царскаго вѣнца онъ возложилъ на себя торжественно, передъ цѣлымъ свѣтомъ обѣтъ—жить единственно для счастья подвластныхъ ему народовъ.

Исполненіемъ этого обѣта было 19-е февраля 1861 г., когда царь подписалъ манифестъ, кончавшійся памятными для всѣхъ словами:—„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго".

Трудно себѣ представить, какое громадное вліяніе имѣла эта великая реформа на общественную жизнь Россіи.

Горячимъ ключемъ забила она въ жилахъ возрожденнаго русскаго народа. Расцвѣтъ экономическаго благосостоянія, развитіе просвѣщенія, ростъ національнаго самосознанія и новыя реформы доблестно выполняющаго свой обѣтъ государя, подняли значеніе Россіи на необыкновенную высоту передъ глазами Европы.

Подъ властью Царя-Освободителя владычество Россіи распространяется на обширныя земли, отъ Уссури до Великаго океана и отъ Сибири до Афганистана и Индіи...

И опять передъ окрѣпшей Русью возникаютъ задачи стать на защиту изнемогающихъ подъ турецкимъ игомъ славянскихъ народовъ.

Съ 1875 года на Балканахъ начинается рядъ возстаній, идетъ глухая борьба, которая перекидывается изъ Герцеговины въ Боснію, въ Болгарію, затѣмъ въ Черногорію и, наконецъ, въ Сербію. Но трудно было бороться порабощеннымъ съ Турецкой имперіей; въ 1876 году сербы были разбиты, и имъ предстояло вынести на себѣ всю ярость мусульманскаго мщенія. Но въ это время раздается твердый голосъ русскаго

монарха, потребовавшій прекращенія военныхъ дѣйствій со стороны турокъ и заключенія мира съ Сербіей и Черногоріей. Порта не подчинилась требованіямъ Россіи, и 12 апрѣля 1877 года Александръ II подписалъ манифестъ объ объявленіи войны за освожденіе славянъ.

Необыкновенный энтузіазмъ при этомъ извѣстіи охватилъ Россію; всѣ радостно были готовы жертвовать собой, чтобы славянъ ратныя поколѣнья подъ



Императоръ Александръ II.

знамя русское собрать, чтобы надъ куполомъ древней Софіи—вновь водрузить православный крестъ.

И вотъ перевооруженная армія, въ рядахъ которой братски сошлись представители всѣхъ сословій, съ воодушевленіемъ откликнулись на царскій призывъ.

12 апрѣля императоръ Александръ II лично отпускалъ въ Кишиневѣ свои войска. Погода, пасмурная съ утра, начинала проясняться. Государь, объѣхавъ фронтъ, сошелъ съ коня и, скомандовавъ: „Батальоны на колѣни!“, съ своимъ воинствомъ въ благоговѣніи

колѣнопреклонно внималъ молитвѣ, произносимой преосвященнымъ Павломъ, епископомъ Кишиневскимъ, о ниспосланіи побѣды и одолѣніи надъ врагомъ.

По окропленіи святой водой знаменъ, государь обнялъ главнокомандующаго и, обратившись къ войскамъ, сказалъ: „До свиданья! Я желаю до-нельзя щадить дорогую русскую кровь; но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Идите! Поддержите честь русскаго оружія! Да хранитъ васъ Всевышній!"

Громкое ура было отвѣтомъ Императору. Въ тотъ же день вечеромъ русскія арміи вступили въ предѣлы Турціи—Дунайская въ Европѣ и Кавказская въ Азіи.

Недаромъ говорилъ государь своимъ войскамъ „до свиданья". Вернувшись въ Петроградъ для необходимыхъ распоряженій, онъ 25 мая снова выѣзжаетъ изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію въ сопровожденіи цесаревича и великаго князя Сергія Александровича.

Въ Плоешти Государь принялъ привѣтствіе отъ князя Карла Румынскаго, вручившаго державному вождю почетный рапортъ о состояніи румынскихъ войскъ.

Пребываніе Александра II въ Бухарестѣ было сплошнымъ тріумфомъ. Румынскій народъ, вѣками привыкшій видѣть въ русскомъ царѣ „высшее олицетвореніе могущества и величія на землѣ", встрѣчалъ его восторженными криками, усыпая путь цвѣтами и называя „Освободителемъ Румыніи".

Еще болѣе трогательная встрѣча ожидала Государя въ первомъ захваченномъ нами болгарскомъ городѣ Систовѣ. Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай была произведена блестяще, благодаря успѣшной демонстраціи у Галаца и Никополя.

16-го іюня, съ 12 часовъ дня, счастливый государь, при неумолчныхъ крикахъ ура, сѣлъ въ приготовленный для него понтонъ и высадился на противоположномъ берегу, гдѣ его встрѣтилъ главнокомандующій, окруженный блестящею свитой, среди которой находился и герой переправы, генералъ Дра-

гомировъ. Завидя ихъ, государь замахалъ фуражкой, войска взяли на караулъ, полковая музыка играла гимнъ; ура гремѣло по всему берегу.

Поблагодаривъ войска, государь сѣлъ на коня и поднялся въ гору къ Систову. Здѣсь навстрѣчу ему вышло все болгарское населеніе города, предшествуемое православнымъ духовенствомъ съ хоругвями, крестомъ и святой водою.

Крики „живіо!“ смѣшивались съ громогласнымъ ура нашихъ солдатъ. Женщины и дѣти осыпали путь императора цвѣтами; старики плакали отъ умиленія; всѣ цѣловали стремена и ноги государя.

Сойдя съ коня и приложившись къ кресту Александръ Николаевичъ направился въ соборъ, гдѣ отстоялъ литургію и молебствіе.

Принимая затѣмъ почетныхъ жителей и стариковъ, государь подтвердилъ имъ слова воззванія, подписаннаго 11 іюня. „Болгаре“,—гласило оно,— „мои войска перешли Дунай и вступили нынѣ на землю вашу, гдѣ уже не разъ сражались за облегченіе участи христіанъ Балканскаго полуострова и нынѣ на храброе войско мое, предводимое моимъ любезнымъ братомъ, повелѣніями моими возложено оградить на вѣки вашу народность и утвердить за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ немыслимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы пріобрѣли не силою вооруженнаго сопротивленія, а дорогою цѣною крови мучениковъ, въ которой такъ долго тонули вы и ваши покорные предки. Жители страны болгарской! Отнынѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина; ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы; ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманиномъ“.

Всѣ видѣвшіе лицо государя понимали, что все именно будетъ такъ, и безграничною благодарностью за будущее болгарское поколѣніе свѣтились глаза стариковъ, наполненные слезами.

Въ Зимницѣ императоръ Александръ провелъ

болѣе двухъ недѣль, слѣдя за постройкой моста и за постепеннымъ переходомъ нашихъ главныхъ силъ черезъ Дунай.

Но его тянуло за Дунай, поближе къ полямъ сраженій, чтобы тамъ заботиться о страдающихъ жертвахъ войны. Онъ хотѣлъ находиться среди нихъ „братомъ милосердія“, какъ выражался самъ о человѣколюбивомъ своемъ подвигѣ. Государь слезъ, онъ являлся ангеломъ утѣшителемъ въ мрачной атмосферѣ походныхъ госпиталей, ободряя раненыхъ, ласково бесѣдуя съ ними, разспрашивая о ихъ желаніяхъ и нуждахъ, осыпая выраженіями царской милости, какъ ихъ, такъ и санитарный персоналъ, врачей и сестеръ милосердія.

Особенно тяжелые дни царю суждено было перенести въ Горномъ Студнѣ, куда императоръ переѣхалъ со 2 августа. Тогда происходилъ переломъ нашей кампаніи.

Двѣ попытки захватить Плевну, въ которой окопался главнокомандующій западной турецкой арміей, Османъ-паша, окончились неудачей, при чѣмъ уронъ нашъ простирался до 10,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Генералъ Гурко принужденъ былъ отступить за Балканы, тѣснимый Сулейманомъ-пашей, а въ Азіи, тѣснимый Мухтаръ-пашею,—Лорисъ-Меликовъ принужденъ былъ снять осаду Карса. Но эти неудачи не поколебали твердости государя.

Вѣру въ свое назначеніе, въ конечный успѣхъ онъ старался передать войскамъ, говоря офицерамъ: — „Вы слышали о неудачѣ? Не унывайте, Богъ милостивъ. Я потребовалъ гвардію“.

Напрасно ближайшія къ нему лица старались убѣдить его оставить армію.

Не взирая на невыносимый лѣтній зной, а потомъ ненастную осень, на всѣ лишенія, сопряженныя съ походной жизнью въ дикой опустошенной странѣ, на болѣзненное состояніе своего здоровья—онъ рѣшился съ христіанскимъ смиреніемъ нести крестъ, имъ самимъ на себя возложенный и съ глубокой вѣрой въ провидѣніе, въ доблесть своего войска, въ самоотвер-

женіе своего народа совершить свой подвигъ до конца.

И твердость государя скоро оказала спасительное вліяніе на войско.

Съ прибытіемъ подкрѣпленій главнокомандующимъ былъ рѣшенъ третій штурмъ Плевны.

Александръ II пожелалъ быть свидѣтелемъ этого рѣшительнаго боя, и 26-го выѣхалъ на позицію подъ Плевною.

Съ возвышенности, находившейся между центромъ и правымъ флангомъ, получившей названіе „Царскаго валика", Императоръ, въ этотъ и три послѣдующіе дня, наблюдалъ за дѣйствіемъ артиллеріи, а 30-го августа, день своего тезоименитства, за ходомъ самаго штурма. Царь ясно видѣлъ оттуда безплодныя героическія усилія русскихъ войскъ одолѣть ново-созданныя Османомъ твердыни.

Государь видѣлъ, какъ Скобелевъ, тѣснимый превосходными силами непріятеля, долженъ былъ шагъ за шагомъ очистить занятые наканунѣ редуты на лѣвомъ флангѣ. Громадныя потери, болѣе 15,000 человѣкъ убитыми и ранеными, разстроившіе всѣ части, отсутствіе резервовъ вызывали общую растерянность. Главнокомандующій не скрывалъ необходимости отступленія арміи къ Дунаю, отступленіе, которое было бы равносильно признанію неудачи кампаніи передъ всею Европою. И въ эту торжественную и рѣшительную минуту, когда отъ принятаго рѣшенія зависѣлъ не только исходъ войны, но и будущая судьба Россіи, ея обаяніе въ мірѣ, раздался рѣшающій голосъ императора: „Не отступая ни на шагъ, ждать подкрѣпленія и приступить къ правильной осадѣ Плевны". И это рѣшеніе спасло кампанію. Съ прибытіемъ Тотлебена желѣзнымъ кольцомъ охватывали русскія войска Османа-пашу. 12 октября гвардіей былъ взятъ съ бою Горный-Дубнякъ; 16 го сдался Телишъ; 20-го былъ занятъ Дольній, и къ концу октября Плевна была уже обложена со всѣхъ сторонъ. И самъ государь мужественно переносилъ

всѣ неудачи. Измученный нравственно онъ сильно страдалъ отъ захваченной мѣстной лихорадки.

Припадки, тревожный сонъ, высокая температура внушали приближеннымъ его сильнѣйшія опасенія. Но государь больше страдалъ за Россію; съ прибытіемъ гвардіи онъ сталъ быстро поправляться, и самъ выѣзжалъ навстрѣчу гвардейскимъ частямъ. Къ этому времени и изъ Азіи стали приходить утѣшительныя вѣсти. 23 октября генералы Гейманъ и Тергукасовъ разбили армію Мухтара и Измаила. Наконецъ, 6-го ноября было получено извѣстіе о паденіи Карса. Среди общаго ликованія вновь былъ поднятъ вопросъ о штурмѣ Плевны, и снова государь поддержалъ мнѣніе Тотлебена, открыто заявлявшаго: „4-ой Плевны не будетъ“.

Этимъ были спасены многія тысячи жизней. А страстно желаемая развязка приближалась сама собой.

Въ штабѣ отряда обложенія стало извѣстно, что, истощивъ весь запасъ продовольствія, Османъ-паша рѣшился на отчаянную попытку прорваться черезъ линію расположенія гренадеръ и выйти на дорогу къ Виддину. Подкрѣпивъ эту линію, русскіе ждали съ замираніемъ сердца рѣшительнаго момента.

Наконецъ, 28 ноября, на разсвѣтѣ, великій князь главнокомандующій телеграфировалъ государю, что Османъ-паша всѣми своими силами напалъ на гренадерскія дивизіи. Тотчасъ же императоръ выѣхалъ на позицію, сначала на Царскій валикъ, оттуда, около полудня, прибылъ на Императорскій редутъ, но войска наши уже покинули прежнія позиціи и въ тылу Османа заняли Плевну.

Нѣсколько часовъ въ томительномъ ожиданіи прислушивался государь къ раскатамъ боя, кипѣвшаго за рѣкою Видомъ. Но вотъ стало стихать. Наступилъ самый напряженный моментъ, когда никто не могъ смотрѣть другъ на друга.

Наконецъ, около 4 часовъ пополудни замѣтили всадника, скакавшаго по направленію къ Императорскому редуту и махавшаго шапкой. То былъ помощникъ коменданта главной квартиры, полковникъ Мо-

равскій. Завидѣвъ государя, онъ издали закричалъ: „Ваше Императорское Величество, Османъ-паша сдался!“

Александръ II быстрыми шагами пошелъ къ нему навстрѣчу. „Правда ли?“ переспросилъ онъ. „Ей-Богу такъ, Ваше Величество“, отвѣчалъ Моравскій.

„Спасибо, молодецъ“, молвилъ Императоръ, подавая ему руку, и тутъ же поздравилъ его флигель-адъютантомъ; потомъ, снявъ фуражку, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

„Ура!“ вырвалось изъ устъ окружавшихъ государя.

Послѣ пятичасового упорнаго боя Османъ-паша выкинулъ бѣлый флагъ. Въ три часа пополудни Османъ вручилъ свою саблю генералу Ганецкому.

Трофеями побѣды были: 40 пашей, 2000 офицеровъ и 44000 нижнихъ чиновъ, 84 пушки и множество оружія и припасовъ.

На другой день, среди непріятельскаго лагеря, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ставка Османа-паши, радостно встрѣчали государя высшіе чины русской и румынской арміи.

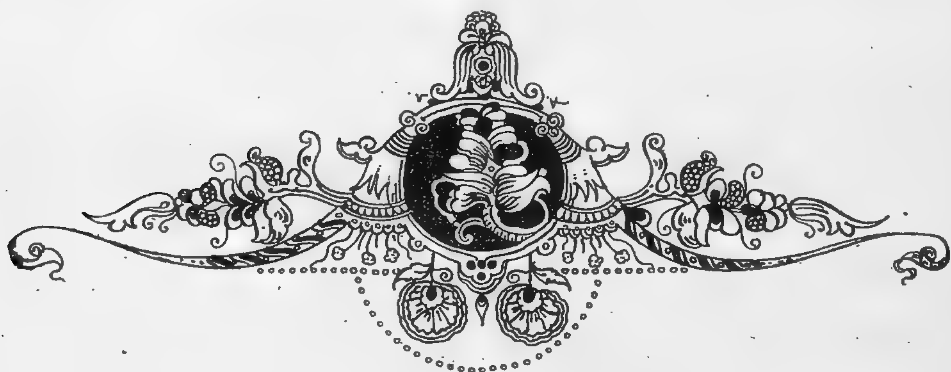
Щедро одаривъ орденами всѣхъ отличившихся, императоръ сѣлъ на коня и объѣхалъ собранныя войска, поздравляя съ побѣдой. Затѣмъ было отслужено благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго Александръ II обратился къ великому князю главнокомандующему, указывая на георгіевскій темлякъ, украшавшій императорскую шпагу: „Я надѣюсь, что главнокомандующій не будетъ сердиться на меня за то, что я надѣлъ себѣ на шпагу георгіевскій темлякъ на память о пережитомъ времени, кажется, я это заслужилъ ..“

Великій князь, выражая чувство всего войска, съ глазами полными слезъ обнялъ державнаго брата. А выразителемъ всей Россіи явилось петроградское дворянство, поднесшее вернувшемуся изъ арміи царственному подвижнику душевный адресъ:—„Россія цѣнитъ Вашъ подвигъ и сохранитъ его на вѣки въ своей памяти. Россія знаетъ, Государь, съ какимъ

смиреніемъ Вы уклоняетесь отъ славы, предоставляя на свою долю одни лишенія, труды и заботы. Но слава сама осѣнила главу Вашу своимъ лучезарнымъ вѣнцомъ. Да благословитъ Васъ, Государь, Господь Богъ Всемогущій за славное окончаніе ознаменованной уже столь славными подвигами войны".

Вскорѣ русскія войска, преодолѣвъ трудности зимняго перехода черезъ Балканы, стояли подъ стѣнами Константинополя.

Цѣною русской крови была куплена независимость Болгаріи, Черногоріи, Румыніи и Сербіи, и славянскіе народы были призваны русскимъ государемъ къ самостоятельной культурной жизни.



„Досугъ Русскаго Воина“

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

Л. М. Савёлова и И. Н. Бороздина.

Задача книжекъ — дать самое доступное по формѣ и по содержанію чтеніе для нашихъ солдатъ, познакомить ихъ съ прошлымъ и настоящимъ нашей родины, дать описаніе жизни и быта нашихъ союзниковъ и въ практической формѣ освѣтить тѣ событія, которыя выдвинуты настоящей войной.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

№ 1—2. **В. В. Арандаренко.** Государи изъ Дома Романовыхъ на полѣ брани. Цѣна **30** коп.

№ 3. **В. М. Михайловъ.** Какъ Россія освобождала славянъ. Цѣна **15** коп.

Готовятся къ печати дальнѣйшіе выпуски.

Каждая книжка будетъ снабжена портретами и рисунками.

Весь доходъ поступитъ въ пользу Россійскаго Общества Краснаго Креста.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ въ Комиссіи по сбору пожертвованій при Московскомъ Мѣстномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста. Москва, Бол. Чернышевскій пер., Канцелярія Московскаго Генералъ-Губернатора. Тел. 3-74-27.

Издается на средства члена Комиссіи Я. Д. Маковскаго.